

пів години... Ти плач, якщо хочеш, щоб глядачі сміялися. А якщо хочеш сліз, то смійся так, щоб вони плакали!...” [22, с.137]. Редукція тіла, жорстко-примусовий катарсис (чи деградованій людині потрібне очищення?) у вигляді характері, – таким є фінал “Не Медеї”, без передбачення наступного кола трагедії.

Очищення – це блаженна самодостатність. Психічні акти, логічні, моральні і естетичні норми як такі вже не діють. Відчуття чистоти підносить вище. І елліни трактували це “піднесення” як повернення до себе.

**Висновки.** В “Поетиці” Аристотеля катарсис набуває комунікаційного поняття – стати учасником чогось, робити спільне. Виходячи із цих засад, драматург не повинен протягом сюжету відштовхнути глядача, переривати його єдність із дією. Трагедія повинна розгорнути смислову картину життя взагалі. Катарсис у метафізичному тлумаченні – це розумно-енергійний стан, який формується понад психічними актами персонажа; це не є логічна норма силогізмів і розсудкових висновків; очищення немає вольового спрямування і не потребує моралі як абстрагованої справедливості; це не естетичне заспокоєння як задоволення, а шлях до втраченої цілісності після самороздроблення.

Сучасна драматургія відрізняється від античної власне своєю секуляризацією. “Одна справа – психологія людини, а інша справа – значення конструкція життя взагалі” [5, с. 729] у метафізичному розумінні. Тому, вибравши міф про Медею, драматурги ХХ ст. відтворювали емпіричну екзистенцію людини (бу-тнівливої в Ж.Ануя; пригніченої в Л.Разумовської; дезорієнтованої в Ю.Тарнавського) у відповідних варіантах катарсису.

### Джерела та література

1. Новикова М. Прасвіт українських замовлянь // Українські замовляння. – К.: “Дніпро”, 1993. – С.7–29.
2. Ярхо В.Н. Драматургія Есхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. – М.: «Художественная литература», 1978. – 299 с.
3. Шкаруба Л.М., Шошура С.М. Конфлікт трагедії Евріпіда “Медея” // Зарубіжна література в навчальних закладах. – 2002. – № 7. – С.53–56.
4. Шалагінов Б. Афінська трагедія // Зарубіжна література в навчальних закладах. – 2002. – № 8. – С.53–59.
5. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: «Мысль», 1993. – 959 с.
6. Гомілко Ольга. Метафізика тілесності: концепт тіла у філософському дискурсі. – К.: Наукова думка, 2001. – 339 с.
7. Рассел Бертран. Історія західної філософії. – К.: “ОСНОВИ”, 1995. – 759 с.
8. Бердяев Николай. Дух и машина // Николай Бердяев. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Издание Г.А.Лемана и С.И.Сахарова, 1918. – 240 с.
9. Гундорова Тамара. *Femina Melancholica*: Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської. – К.: Критика, 2002. – 272 с.
10. Евріпід. Медея // Евріпід. Трагедії. – К.: “Основи”, 1993. – 447 с.
11. Сенека. Медея // Сенека. Трагедии. – М.: “Искусство”, 1991. – 495 с.
12. Ошеров С.А. Сенека – драматург // Луций Анней Сенека. Трагедии. – М.: “Наука”, 1983. – 430 с.
13. Мірошніченко П.В. Трансформація жанрових особливостей античної трагедії в українській літературі ХІХ – початку ХХ ст. Автореф. дис. на зд. наук. ступеня канд. філол. наук. – Запоріжжя, 2002. – 17 с.
14. Ануї Ж. Медея // Ануї Ж. Пьесы. – М., 1958. – 220 с.
15. Бердяев Николай. Русская и польская душа // Николай Бердяев. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Издание Г.А.Лемана и С.И.Сахарова, 1918. – 240 с.
16. Разумовская Л. Медея // Разумовская Л. Сад без земли. – Л.: «Искусство», 1989. – 293 с.
17. Нямцу А.С. Загальнокультурна традиція у світовій літературі. – Чернівці: РУТА, 1997. – 221 с.
18. Хамитов Н. Пределы мужского и женского. Курс лекций по философии. – К.: Наукова думка, 1997. – 175 с.
19. Текстуальний аналіз цієї монодрами зроблено у статті: Зелінська Л. Античність і постмодерн: «чорна» текстура подвійної рецепції жінки (за драмою Ю.Тарнавського «Не Медея») // Збірка матеріалів міжнародної конференції «Літературний дискурс: генезис, рецепція, інтерпретація...». – За ред. Ю.І.Ковбасенка. – К., 2003.
20. Тарнавський Юрій. Ідеалізована біографія. Поезії. – Мюнхен: “Сучасність”, 1964. – 54 с.
21. Тарнавський Юрій. Ідеальна жінка // Тарнавський Юрій. Їх немає. – К.: Родовід, 1999. – 427 с.
22. Тарнавський Юрій. Не Медея // Тарнавський Юрій. 6 x 0. – К.: Родовід, 1998. – 360 с.
23. Дені де Ружмон. Любов і західна культура. – Львів: Літопис, 2001. – 302 с.
24. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990.
25. Див.: Зборовська Н. Естетичне вбивство жінки (за новою книгою Ю. Тарнавського “6 x 0”) // Сучасність. – 1999. – №3; Гундорова Т. Де(Кон)струкції на тлі Чоловічого Тексту // Критика. – 1999. вересень.

### Бешта А.В. ПЕРВОИСТОЧНИКИ КОМЕДИИ ПЛАВТА «МЕНЕХМЫ»

Описание рождения близнецов, их дальнейшей жизни, специфическое восприятия их окружающими всегда занимало особое положение в мифологическом наследии различных древних народов. Появление близнецов на свет зачастую считалось неестественным и даже уродливым. Характерными для многих

культурных традиций были поверья о наделении близнецами магической властью, некими сверхъестественными способностями. Этой теме в народном творчестве уделено настолько значительное место, что в мифологии существует даже специальное понятие – «близнецный миф» – подразумевающее сказание о чудесных существах, представляемых в виде близнецов и часто выступающих в качестве родоначальников племени или культурных героев [5, с. 75].

Мифологические мотивы сыграли большую роль в генезисе литературных сюжетов, мифологические темы, образы, персонажи использовались и переосмыслились в литературе почти на протяжении всей её истории. Обработка именно близнецных мифов в произведениях художественной литературы не стала в этом смысле исключением и началась уже в древности. Примером может служить еще одна пара близнецов – Менехмы, одноименные братья, главные герои комедии римского драматурга Плавта. Интересно проследить, сохранились ли характерный конфликт в отношениях между двумя братьями-близнецами, так часто встречающимися в мифологии многих древних культурных традиций, и ставшими вновь актуальными в литературе античного времени.

Одна из основных **целей** нашего исследования – выявление определенной схематичности и стереотипности в поведении братьев-близнецов. Интересным представляется с литературоведческой точки зрения проследить ролевые обязанности главных героев, которые зачастую были четко ограничены определенными рамками. Главной **задачей**, поставленной в данной работе, является проведение сопоставительного анализа образов братьев-близнецов, фигурирующих в мифологиях различных древних культур и их трансформация в литературном произведении античных времен, а именно комедии Плавта «Менехмы». Как известно, попытки общего анализа братьев-близнецов в разных мифологиях осуществлялись и прежде. В данной же работе основное внимание направлено на установление общей и характерной для всех культурных традиций модели поведения братьев-близнецов, а также варьирование этой модели при заимствовании мифологических сюжетов авторами последующих эпох.

Отметим, что первоначально, почти во всех культурах братьев представляли соперниками, противостоящими друг другу силами. Такие сказания были характерны для дуалистической мифологии и часто встречались у народов Океании и индейцев Северной и Южной Америки [8]. В мифах о братьях-близнецах один из главных героев ассоциировался, как правило, с воплощением всего хорошего, полезного и благоприятного, а второй соотносился со всем плохим и вредным. Вспомним в качестве примера библейский миф о Каине и Авеле – двух братьях, ярких противоположностях, и их скрытом конфликте на почве зависти приведшем к братоубийству. Нередко соперничество между близнецами начиналось с самого их рождения. Яркое подтверждение тому мы находим в образе еще одних библейских братьев-близнецов Исава и Иакова, сыновей Исаака и Ревекки. Их мать жаловалась, что уже в ее чреве они постоянно дрались. Первым появился на свет Исава, и потому он считался первородным. Второму нарекли имя Иаков, что по-русски означает «держи за пятку», поскольку во время родов он держал своего брата за пятку. Примечательно, что это выражение означало у древних евреев «убрать кого-нибудь со своего пути», «победить кого-нибудь», таким образом, дальнейшая вражда братьев была заложена еще в их именах. Будучи детьми, они ничем не походили друг на друга и никогда не дружили, а когда выросли, трудно было поверить, что это близнецы [2, с. 54]. Аналогичен похожий в этом отношении миф североамериканского индейского племени кахуилла, где один из близнецов – Мукаг, создавший людей и луну, – спорит за первенство со своим братом Темайауитом, уходящим в подземный мир [8]. Созвучен по своему замыслу и миф ирокезов и гуронов, повествующий о двух антагонистичных друг другу братьях: Иоскеха – творец солнца и всего полезного на земле, а его младший брат-близнец Тавискарон – создатель скал, вредных животных (пум, ягуаров, волков, медведей, змей и насекомых), шипов и колючек. Тавискарон противодействует всем благим начинаниям Иоскехи: не дает ему устроить в реках два течения – вверх и вниз, создает пороги и быстрины, становится причиной первого землетрясения. В итоге между братьями возникает открытое единоборство. Раненый в схватке с Иоскехой, Тавискарон спасается в подземном мире, при бегстве каждая капля крови, льющаяся из его раны, превращается в камень. Иоскеха после сражения с братом удаляется на небо [7]. Справедливым будет отметить, однако, что в некоторых дуалистических мифах братья-близнецы не всегда были представлены антагонистами, тем не менее, они воплощали два разных начала, каждое из которых соотносилось с одной из половин племени. Примером могут служить Возлюбленные близнецы у североамериканского индейского племени зуни, которые разделили племя на фратрии – людей зимы и людей лета. В мифах подобного типа близнецы часто дублировали функции друг друга, оба были полезны, оба занимались лечением людей [6].

Итак, анализируя приведенные в качестве примеров мифы и суммируя все выше сказанное можно отметить, что братья-близнецы, описываемые в сказаниях разных народов, зачастую имели одинаковые и очень четкие поведенческие стереотипы. Как правило, два брата-близнеца представлялись конкурирующими и враждующими сторонами, между ними нередко возникали ссоры, доходившие порой до открытого противостояния. Один из братьев олицетворял в этом конфликте добро, а второй играл роль его антагониста, воплощавшего в себе все негативное. Именно таковой в большей или меньшей степени выраженности видится поведенческая модель братьев-близнецов в мифологии различных народов мира.

Обратимся же теперь к трансформации этой схемы поведения близнецов у античных героев – двух одноименных братьев Менехмах, созданных римским драматургом Титом Макцием Плавтом (ок. 250 – 184 гг. до н. э.).

Автор рассматриваемой нами комедии был очень популярен у зрителя своего времени. Древние называли 130 пьес, ставившихся под его именем. Из этого числа римский ученый I в. до н. э. Теренций Варрон отобрал двадцать одну комедию как бесспорно принадлежащую плавтовскому наследию. Все они дошли до наших дней. Огромный талант и оригинальность Плавта как поэта заключалась в том, что он переделывал для римской сцены греческие пьесы, главным образом произведения авторов так называемой «новой

аттической комедии» – Менандра, Дифила, Филемона и других драматургов [3, с.643]. Очевидно, одному из них и принадлежала фабула комедии «Менехмы», хотя кому именно в точности не известно. Вполне вероятно, что многие из предшественников Плавта тоже в свою очередь заимствовали сюжеты для своих произведений, и одним из источников таких заимствований могла служить народная литература.

Правильным будет предположить, что древнегреческие сказки, переходящие в форме устных рассказов из поколения в поколение, брали свое начало в сказаниях и мифах более ранних цивилизаций. Так, например, существовавшая греческая сказка о братьях-близнецах очень напоминает по своему сюжету древнеегипетский миф, так называемый «роман о двух братьях». Однако прежде чем проводить определенные параллели и рассматривать плавтовских близнецов с одинаковым именем Менехмы, обратимся к фабуле греческой сказки.

Древнее сказание повествует о богатом рыбаке, не имевшем долгое время детей. Его жена однажды обратилась к ворожее; та предсказала, что рыбаку суждено поймать золотую рыбку, и посоветовала, разделив добычу на шесть частей, съесть две части с мужем, по одной дать суке и кобыле, а оставшиеся две посеять у входа в дом. Так и было сделано; вскоре рыбака родила двух братьев-близнецов, столь похожих друг на друга, что их никак нельзя было отличить одного от другого; тоже случилось и с кобылой, и с сукой, а у порога выросло два кипариса [1, с.81].

Как видно, в этом мифе слышны зооморфные мотивы, что являлось характерным для большинства подобных сказаний. Однако важно отметить, что в плавтовской комедии тема соотнесенности близнецов с животным миром и природой совершенно отсутствовала.

Когда близнецы греческой сказки возмужали, один из них отправился странствовать, взяв с собой коня и собаку, и, прощаясь, наказал брату отправляться на его поиски, если завянет кипарис. После многих приключений, герой попадает в некоторое царство и узнает о том, что царская дочь должна быть отдана на съедение змею. Победив змея и получив в награду невесту благородного происхождения, старший брат-близнец вновь отправляется в путь со своим конем и собакой. (Определенные параллели можно провести с Менехмом I который также женился на богатой женщине с хорошим приданым.) Томимый жаждой старший близнец греческой сказки заходит в первую попавшую хижину и просит, чтобы ему дали воды. Хозяйка жилища, оказывается колдуньей и в ответ превращает собаку, коня, а затем и самого героя в камень. Одновременно с этими событиями вянет один из двух кипарисов у дома рыбака.

Согласно условию, второй близнец отправляется искать своего брата. Посетив много стран, он, наконец, оказывается в том самом царстве, где когда-то был первый герой. Далее события развиваются в духе «комедии ошибок».

Аналогичная тема поиска пропавшего брата-близнеца нашла свое отражение и в комедии Плавта. Менехм сиракузский скитался шесть лет, пытаясь отыскать своего брата, не оставляя надежды и веры увидеть его, несмотря на потерю в результате странствий большей части своего состояния, он тем не менее с решительностью восклицал, упрекая в унынии своего раба:

*Ну, ладно. Но кого-нибудь сыскать хочу,  
Кто б мне наверно мог сказать, что умер брат.  
Тогда сейчас же прекращу я поиски,  
А иначе не брошу их, куда жив,  
Ведь ты понять не можешь, как он дорог мне [4, с. 21]!*

Возвращаясь к сюжету греческой легенды, мы видим, что все принимают второго близнеца за первого, включая и царевну. Характерно, что именно на основе подобного недоразумения, когда Менехма I принимают за Менехма II, и наоборот, строится вся комедия Плавта. Младшему брату, тем не менее, удается осторожно выведать необходимые сведения, и, пройдя все те же приключения, некогда случившиеся с его предшественником, он находит ведьму, благодаря своей осторожности избегает превращения в камень и заставляет ее вернуть брата к жизни. Первый близнец оживает, просыпаясь как бы от глубокого сна, узнает обо всем случившемся, и в тот момент, когда речь заходит о путанице, происшедшей с царевной, ударом меча отсекает голову своему спасителю. Затем он возвращается домой; тут обнаруживается правда; царевна, невинная перед своим истинным мужем, оказывается волшебницей и с помощью своего искусства возвращает деверю жизнь [1, с. 82].

Конечно, между братьями-близнецами этой древнегреческой сказки нет открытой вражды или жестокого противостояния, но, тем не менее, их скрытого соперничества нельзя не заметить: неслучайно оба были поставлены судьбою в равные условия, а разрешали существующие трудности они не одинаково успешно. Несомненно, оба близнеца храбры и отважны, однако один явно уступает другому в находчивости, здравомыслии и рассудительности.

Подвергшись многочисленным метаморфозам, сказка стала сюжетом новоаттической комедии. Все чудесное было удалено: исчезли ворожея с золотой рыбкой, кипарисы, чудесное рождение детенышей у суки и кобылы, змей-пожиратель дев, ведьма, превращающая людей в камни; в угоду тому же реализму царь и царевна превратились в обыкновенных смертных. Тем не менее, ролевое распределение братьев-близнецов осталось неизменным.

В комедии Плавта «Менехмы» мы встречаемся с сиракузским пожилым купцом, у которого рождаются два брата-близнеца. Когда сыновьям исполняется семь лет, отец берет одного из них в плавание, направляясь для торговли в Тарент. В давке мальчик теряет родителя. Богатый, но бездетный купец из Эпидамна подбирает потерянного брата и увозит его к себе на родину. Отец, потеряв сына, умирает от горя. Дед переименовывает второго брата именем первого – Менехм. Купец из Эпидамна усыновляет найденыша, находит ему богатую невесту, назначает своим наследником. Дальнейшие события развиваются в Эпидамне: туда на поиски пропавшего брата вместе со своим рабом направляется второй Менехм, бывший Сосикл [1, с. 83].

Конечно, бессмысленно искать антагонистов, четко вырисованных противоборствующих героев в об-

разе плавтовских близнецов. Менехмы попросту таковыми не являются. Один из них живет со своей женой как кошка с собакой, заводит любовницу на стороне, продажные ласки которой он предпочитает радостям семейной жизни. Он поступает подло и низко когда берет у жены ее наряды и драгоценности, чтобы ими оплачивать любовь гетеры, хвастаясь при этом своей хитростью перед паразитом. Второй близнец не во многом превосходит своего брата порядочностью. Оказавшись в Эпидамне, Менехм сиракузский вообще забывает о благородной цели своего приезда. Подобно своему брату он оказывается таким же охотником до утех продажной любви, ничуть не смущаясь, он съедает приготовленный не для него обед и спокойно отнимает у гетеры переданный ему по очевидному недоразумению наряд вместе с драгоценностями.

Таким образом, Менехмы оказываются во многом похожими друг на друга. В их поведении едва ли прослеживается столь характерная для близнецных мифов модель конфликта двух братьев-близнецов, тенденция противостояния положительного и отрицательного, разрушительного и созидательного. Античные герои комедии Плавта скорее являются по отношению друг к другу достаточно четким зеркальным отражением.

Объяснение такого феномена представляется довольно простым: римский драматург не ставил своей задачей создание характерных персонажей. К тому же нельзя забывать, что поведение Менехмов во многом было ограничено театральной условностью и комедийными рамками пьесы. Интересно, однако, отметить, что данный плавтовский сюжет в дальнейшем неоднократно заимствовался писателями последующих эпох. Фабула истории о братьях-близнецах Менехмах впоследствии значительно трансформировалась, так же как и был несколько изменен характер отношений между ее главными героями, что, несомненно, является интересным предметом исследования других работ.

#### Источники и литература

1. Зелинский Ф. Ф. Плавт и Шекспир // Из жизни людей – Т. 4: Возрожденцы. – Петербург: изд-во АCADEMIA, 1922.
2. Косидовский З. Библейские сказания. – М.: издательство политической литературы, 1987.
3. Плавт Т. М. Комедии Т. 1 / Комментарий Ульяновой И. – М.: изд-во Искусств, 1987.
4. Плавт Т. М. Комедии в 3 т. Т. 3 / Пер. с лат. Артюшкова А. – М.: изд-во ТЕРРА, 1997.
5. Фрэнгер Д. Д. Золотая ветвь. – М.: изд-во АСТ, 1998.
6. <http://deja-vu4.narod.ru>
7. <http://manuscript.ht.ru>
8. <http://www.edic.ru>